

Огородников Леонид Павлович

Опубликовано 22 июля 2006 года

13142 0

Первые бои

Нас было четверо из одного класса, добровольцами попросившихся на фронт. По направлению райкома комсомола райвоенкомат направил на 3-месячную учёбу. А мы молодые, с оружием дела не имели. Попал я в минометчики, первым номером (командиром минометного расчета). Минометный расчет - три человека: наводчик (первый номер), заряжающий и подносчик мин. Мина у 82-миллиметрового миномёта тяжёлая - 3 кг 600 г.

Погрузили в эшелон и повезли через всю страну на Карельский фронт, в район станции Лоухи. С февраля 42-го - на передовой, в составе 143-го отдельного лыжного батальона. Нашей задачей было ходить в тыл противника: взять «языка», определить укрепрайоны. Бывало, громили базы, склады боеприпасов.

Зима выдалась холодной, а мы в шинелях, - тех самых, которые выдали в Бийске, в «учебке». Кстати, в этих шинелях мы так и провоевали до 44-го года.

Север. Места болотистые, среди болот - участки суши; там финны и оборудовали опорные точки. Самое страшное воспоминание - как наш батальон попал в засаду. 250 человек было в батальоне, противник устроил нам ловушку. После очень тяжелого боя в живых осталось 18 человек, из них 10 - ранены. Раненых несли на себе, пробираясь к нашим. Вышли всё же.

На войне много было такого, о чём и вспоминать не хочется. Миномётчики позади пехоты шли. И вот идём, вокруг - поле битвы. Останки людей разбросаны и по полю, и даже по деревьям висят, - «целых» тел почти нет. Такое один раз увидеть - и то с ума можно сойти. Особенно страшно то, что человек человека без пощады убивает. «Работа» такая военная...

Ранение

26 апреля 1942 г. меня ранило. Еще холода стояли. Мы шли походным порядком, и попали под обстрел: мины, снаряды. Осколки сыпались градом. И один осколок зацепил меня, ударил в лопатку. В этом бою из нашего взвода 22 человека было ранено, один погиб. Рана у меня была легкой - всего неделю пробыл в медсанбате; вытащили осколок, подштопали, - и в строй. Хотя правая рука плохо слушалась, приходилось её «разрабатывать».

Бывало и такое

Вообще, на фронте трудно было не только потому, что могли ранить, убить. На фронте тоже бывало и голодно, и холодно. Мы в ботиночках, помню, по льду шли. Лед под ногами «ходит». Кто-то проваливался.

Ночью, в дозоре, тоже страшновато было. Там, на севере, гагары - вот же способности у птицы! Сидишь, слушаешь, - вдруг ребенок где-то в лесу заплачет. А то подплывет по воде незаметно, - да как рявкнет!.. Местные карелы из гагарочьих шкур тапочки делали, пухом внутрь: и тепло, и «носские».

Случались несчастья, по глупости или неосторожности. Когда несколько часов возле миномета - глохнешь, выстрела уже не слышишь. Это опасно: заряжающий подумает: осечка, - и вторую мину в ствол! А то бывало по три заряда дополнительных делали, - как ударит, в голове гудит, и миномёт вместе с плитой (а плита тяжелая, больше 20 кг) подпрыгивает.

Был случай, хотели немецкую мину испытать, - как она, подойдет ли для нашего миномёта. Миномёты у немцев калибром чуть-чуть отличались. То мина чуть уже ствола, то у другого калибра - на миллиметр шире. Ну, сели минометчики кружком. Стали заряжать, а мина взорвалась в миномете. Таким образом, из строя вышло 19 бойцов...

Вообще, после первых ожесточённых боев фронт в Карелии надолго стабилизировался. Бывало, в спокойные дни мы на охоту ходили. Там птицы много - глухари, утки, другая дичь. Я с карабина так пристрелялся - одним выстрелом двух уток подстреливал! Надо только дождаться, когда утки друг возле друга так окажутся, чтобы головы совместились.

С питанием туговато было, так вот дичью паек дополняли. А еще - ягодой: идешь, бывало, а вдоль проселка - всё красное от брусники! Витамины.

С севера - на юг

После окончания войны с Финляндией нас в Вологду отправили, на отдых и переформирование. Из Вологды в валенках выехали, зима еще, а приехали на юг, - там уже лужи, весна.

Тяжелые бои были в Чехословакии. Но сначала прошли через Закарпатье, перешли границу. Дорога через горы, и налегке-то идти тяжело, а тут минометы, боеприпасы... Выручали лошадки-«монголки».

В Чехословакии с немцами в бой вступили. Конец войны, а они сопротивлялись очень ожесточенно. Чехословакия для Гитлера много значила с её углем, сталью, развитой промышленностью. Город Моравскую Оставу на Одере немцы превратили в настоящую крепость. Хотя у нас уже и оружие было мощное, и техника: гвардейские минометы («катюши»), танки, артиллерия. И 10 дней не могли Оставу взять. Только поднимется пехота в атаку, - а немцы - из крупнокалиберных пулеметов! Хорошо, неподалёку что-то вроде оврага было: мы там окопчики отрыли, прятались от огня.

Наконец, наши с флангов поднажали, и с 30 апреля на 1 мая мы вошли в Оставу. Город лежал в руинах. Но это не от наших пушек и бомб: немцы, отступая, всё, что могли, взрывали. А жители выходили нам навстречу из развалин, встречали. Очень хорошо нас чехи встречали, как освободителей.

Но бои еще продолжались, на Западном фронте немцы уже капитулировали, а у нас дрались ожесточенно.

А орден Славы я получил за форсирование Одера (Одры по-чешски) в Чехословакии. Наши части захватили на западном берегу плацдарм, с пехотой переправилась и минометная рота. Несколько дней отбивали атаки, - немцы нас сбросить пытались. Но мы выдержали до подхода основных сил.

Дальше мы двигались спокойно, хотя и случались отдельные стычки. 8 мая, когда до Праги оставалось километров 80, объявили об окончании войны.

Дали нам немного отдохнуть и отправили к Львову. Топали пешком, по дороге снова перестрелки, бендеровцы нападали. А во Львове посадили по вагонам и повезли опять через всю страну - на Дальний Восток.

Чукотка

На Дальневосточном фронте мы повоевали недолго: японцев уже до нас, как говорится, поколотили.

Ну, а после войны с Японией две бригады - нашу 32-ю и 31-ю погрузили на корабли и привезли в Анадырь на Чукотке. Зима 1945-46 годов была жуткой. Зимовали в палатках. Хотя они и утепленные, но промерзали. В палатке 40 человек, в двух концах - самодельные печки из железных бочек. Печки топили круглые сутки, за углем ходили на угольную шахту, носили его в вещмешках. В первую очередь - для кухни, остальное - для обогрева. В палатках нары в два яруса. Внизу холодно, а на втором ярусе, бывало, ночью носы к брезенту примерзали! Много людей замерзло насмерть. Обидно очень: всю войну прошли, живые остались, и такую смерть приняли в мирное время! Вторая зимовка прошла

легче: нас переправили в бухту Провидения. Там была погранзастава. Туда привезли лес, и за короткое полярное лето мы успели бараки построить.

Мир

Сентябрь 1941 года. Одноклассники. В первом ряду (слева направо): Татьяна Дербина, Л.П. Огородников, А.Г. Сафонова

(Огородникова), во втором ряду: Николай Новиков, Николай Фуфаров, Герман Чупраков

В августе 47-го я вернулся в Томск. Моя одноклассница, будущая супруга, Александра Георгиевна, меня ждала. В 48-м мы поженились. Она тоже хлебнула лиха. И на лесоповале была, и за ранеными ухаживала. В 1941-42-м годах оканчивала 10-летку. Учились в третью смену, а днем работали. Разносили повестки, работали на строительстве. А когда раненые в город стали прибывать, - при

госпиталях. Работала Александра Георгиевна в детском саду. Работали, бывало, сутками: родители сутки на работе, и дети в садике сутки.

Еще одна работа была - выздоравливающих из Томска домой сопровождать. Первая её поездка была, кстати, в Беслан. Немцев с Кавказа только-только прогнали. Ехали в «телятниках». До Москвы 7 суток, там пересадка.

«Подопечные» сами выйти из вагона не могли: на руках выносить приходилось.

Запомнилась поездка в Прикарпатье. Там беспокойно было: националисты-бендеровцы на машины на дорогах засады устраивали, взрывали. Короче, как говорит Александра Георгиевна, «насмотрелась страстей».

Потом была мирная жизнь, - и работа, работа. Я до 86-го года работал на оборонном заводе - ТЭТЗ, потом - в Военно-медицинском институте. А супруга там и до сих пор работает. 58-й год мы вместе.

...А из моих одноклассников, с которыми мы вместе добровольцами на фронт отправились, никто не вернулся. Николай Фуфаров и Герман Чепраков в начале войны погибли. Николай Новиков был ранен, приезжал в Томск лечиться. Мог бы и не возвращаться на фронт, - но он добился, чтобы снова в строй встать. И в самом конце войны погиб

Источник:

Материалы из книги "Мудрость Победы", готовящейся к изданию АМК

"Сибирский проект" (г. Томск)